

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ, СПОРТА И ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ

Некрасов Станислав Николаевич,

д. ф. н., профессор

Сосновских Даниил Сергеевич,

Ст.преподаватель

Джолиев Ислам Мамедович,

Ст.преподаватель

Грошева Лидия Францевна,

доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»

Резюме. Сегодня уже нельзя говорить о некоем едином универсальном гуманитарном знании, поскольку каждому социуму требуется свое собственное гуманитарное знание. Нет единого знания, которое было бы адекватно обществу и может полноценно описать отношения в разных социумах. Речь идет о формировании новой линейки гуманитарных знаний, которая строится не на западной модели, но на которой выстраивается классическое гуманитарное знание. Социальные религии марксизма, диалектического и исторического материализма, евразийства, чужие как идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и мифологиями и консолидируют совместно с гуманитарными науками традиционное общество.

Ключевые слова. Собственное гуманитарное знание, новая линейка гуманитарных знаний, социальные религии, правые ультралибералы-западники, левые радикалы, постэкономика.

SOCIAL TECHNOLOGIES OF WORK WITH YOUNG GENERATIONS AND THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SCIENCE AND HUMANITARIAN EDUCATION IN RUSSIA

Nekrasov Stanislav Nikolayevich

Abstract. Today it is impossible to talk about some common universal humanitarian knowledge, since every society requires its own humanitarian knowledge. There is no common knowledge that would be adequate to the society and can fully describe the relationship in different societies. We are talking about the formation of a new line of human knowledge, which is not based on the Western model, but which builds on the classical Humanities. Social religion of Marxism, dialectical and historical materialism, Eurasianism, Chuchhe as an ideology is unique, because are not classical religions and mythologies and are consolidating jointly with the Humanities traditional society.

Key words. Private humanitarian knowledge, the new range of Humanities, social religion, right-wing ultra-Westernizers, the radical left, posteconomic.

Если в России религиозное возрождение в эпоху перестройки было окрашено в светлые и гуманистические тона, то в 90 гг. XX в. происходила экспансия средневековой религиозности, враждебной не только науке, но и образованию вообще. Хотя мракобесных изданий под лозунгом «Долой науку, да здравствует темнота и невежество!» у нас мало, большую работу в указанном направлении проводили солидные СМИ под вывеской плюрализма. При этом шарлатаны разоблачаются, но разоблачение превращается в рекламу, в заключение которой приводится послесловие редакции: мы не беремся судить о тех вещах, в которых разбираться должны специалисты.

Результатом оказывается, что истина неотличима ото лжи, варварство от гуманизма, мракобесие от просвещения. Такой постмодернизм предполагает, что все оценочные суждения исходят из субъективного предпочтения, а на вкус и цвет товарищей нет. На этом фоне уничтожение научно-популярной периодики стало

предпосылкой организованного невежества. Вместе с тем возникли новые опасности для образования молодых поколений.

Первая опасность возникает из установки властей, согласно которой образование станет богаче, когда богатым станет государство и когда экономика разовьется. Правильная формула должна звучать так – через богатое образование, физическую активность к богатой и физически здоровой стране. Страна не может богатеть при оскудении науки, спорта и образования – богатеть могут личности. Если исходить из положения системы образования, то наша страна движется к собственной модели феодализма, поскольку феодальная экономика характеризовалась невостребованностью науки и наукоемких технологий.

Вторая опасность вытекает из расчленения образования на составляющие его части. В России под образованием традиционно понимается органическое единство школы, фундаментальной науки как основы для подготовки специалистов, гуманитарной науки как основы духовного единства народов.

Третья опасность вытекает из административно-вольных предписаний о содержании образования. Речь идет о страхе перед запрещенной Конституцией государственной идеологией и восприятием идеологии как наличие установок на воспитание гражданственности, нравственности и элементарных норм человеческого общежития.

Четвертая опасность проистекает из падения престижа, государственной и общественной значимости фигуры учителя и появлении роли менеджера в образовании.

Как следует осмыслить эти данные? Здесь прослеживается феномен культурного империализма, но видны и новые явления, возникшие под влиянием извне. Зачем же России наступать на грабли западных реформ образования и повторять законодательные новеллы навязывания ценностей меньшинств большинству народа? Г.В. Осипов пишет: «Существуют, и в обозримом будущем будут существовать различные типы цивилизаций: европейская, евроазиатская, американская, мусульманская и другие, различные

виды обществ с их государственным устройством: демократические, авторитарные, тоталитарные, религиозные и т.д. Попытки свести все это многообразие к единому знаменателю, чревато, на наш взгляд, непредсказуемыми, трагическими последствиями для судеб человеческой цивилизации в целом. Никто не должен никуда вступать, никто не должен навязывать свою цивилизационную модель или общественно-государственное устройство другим странам и народам» [1; с. 11]. Сказанное означает, что возможен плюрализм видов патриотизма и способов формирования этого многообразия патриотизмом в различных государственных и исторических образовательных системах. У нашей страны есть свои традиционные базовые ценности, которые связаны с историческим путем нашего народа. Эти ценности являются культурными конкурентными преимуществами в борьбе цивилизаций. И если западная англо-саксонская цивилизация подобно колонизатору скрывает от туземцев свою идеологию глобального господства и рыночного фундаментализма за ширмой деидеологизации, то российская цивилизация нуждается в прояснении своих культурно-ценностных оснований и введении их в образовательно-воспитательный процесс.

История как таковая не имеет смысла. Смысл имеют те или иные действия людей в различных социальных системах ценностей. Как писал Э. Фромм в письме В.И. Добренькову – если взять американского рабочего, то он представляет наиболее консервативный, если не сказать, реакционный элемент общества и только в наименьшей мере он настроен на то, чтобы изменить условия своего существования. Но это же рабочий и есть фундамент американского патриотизма, и он голосует за самых реакционных политических деятелей. Будучи наиболее высокооплачиваемым трудящимся в мире, он нацелен на максимальное потребление и укрепление существующей системы власти – и именно таков его патриотизм.[2; с. 31]

Патриотизм россиян связан с «русской идеей» о Москве как третьем Риме, а потому он молод, светел, активен, устремлен в будущее, в создание счастья на Земле для всех народов, в упорядочение космоса на основе законов

справедливости и «общего дела» воскрешения умерших отцов. В сущности, он представляет то умонастроение и практическое мировоззрение, которое сформировало то, что Н.А. Бердяев называл «истоки и смысл русского коммунизма».

Представляется, что России для успешного формирования новых поколений нужны новые гуманитарные технологии и вопрос заключается в том, как они будут развиваться. В марте этого года мне пришлось провести в Уральском Федеральном Университете имени первого президента России Б.Н. Ельцина двухдневный научно-методический семинар с международным участием по указанной тематике. Идею проведения семинара «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы» позитивно восприняли многие ученые из других российских городов и стран. На мероприятие прибыло около 130 человек, также заочно в онлайн-режиме в семинаре приняли участие представители Франции, Чехии, Германии, Казахстана и Сербии. Сегодня уже нельзя говорить о некоем едином универсальном гуманитарном знании, поскольку каждому социуму требуется свое собственное гуманитарное знание. В этом я полностью солидарен со словенским социологом профессором Растко Мочником - преподавателем теории символических формаций на факультете медиа и коммуникаций Университета Сингидунум в Белграде. Нет единого знания, которое было бы адекватно обществу и может полноценно описать отношения в разных социумах - в России, Монголии, Корее и других странах. Речь идет о формировании новой линейки гуманитарных знаний, которая строится не на западной модели, но на которой выстраивается классическое гуманитарное знание.

На мой взгляд, научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы конкурирующих цивилизаций в битвах XXI в. за общее посткапиталистическое будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаич-

ного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Классическое понимание религии как связи человека с Богом оставляет за пределами понимания изменяющийся в различных цивилизациях характер Абсолюта. Но сакральность – главный признак всякой религии, всякой культуры и соответствующей ей политической культуры как поклонения Абсолюту. Не лежит ли сакральность в основе гуманитарного знания будущего?

Проблема модернизации России и традиционных аутентичных евразийских социумов в условиях конкуренции мировых культур может быть теоретически поставлена, если опираться на расширенное понимание В.С. Соловьевым религии как связи с абсолютным. Это позволит на практике интегрировать научную веру и религиозную веру, конфессии и политическую культуру, философию научную и философскую убежденность народа нашей Родины в качестве ценностей нового осевого времени всего человечества. Зафиксированное историей деление связи с Абсолютом на связь с космосом, с социальностью, эгоцентрические религии индивидуального поклонения позволяет интегрировать религии и конфессии, науки и мировоззрение в более широкой исторической рамке русской цивилизации.

Социальные религии марксизма, диалектического и исторического материализма, евразийства, чужие как идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и мифологиями и консолидируют совместно с гуманитарными науками традиционное общество.

Даже в начале XXI в. правые ультралибералы-западники и левые радикалы вслед за Л. Троцким продолжают рассматривать Россию и русский народ как наиболее подходящее топливо для мировой трансформации и революции и начала подлинной истории человечества, они считают, что истории еще не было ни у мира, ни у человека. Эта линия продолжается в антиглобалистском движении, находящемся в поисках «постэкономики» после краха постиндустриализма.

Леворадикальная национал-большевистская доктрина «Другой России», возникшей на идейной основе незарегистрированной Национал-большевистской партии исходит из дряхлости, устарелости существующей России. Э. Лимонов вопрошает: почему Россия такая устарелая? Ведь в 1917 г. была революция, якобы радикальная, а 1991 г. была еще одна якобы «цивилизаторская». Национал-большевики полагают, что Россия живет по «адату», по понятиям, сложившимся из обычаев предков. Именно поэтому Россия делала вид, но никогда не жила по социализму, а сейчас не живет по капитализму. Чтобы состоялась Новая Россия, необходимо уничтожить обычаи русского «адата» и остановить вечное воспроизводство убогих и отрицательных архетипов. Разве это не левая версия трансгуманизма, ориентированного на создание нового человека?

Этот левый прорыв совпадает с правым либеральным конструированием светлого и общего для всех мондиалистского будущего. Вместе они стремятся разрушить старый мир ниже основания, полагая, что задача разрушения будет тяжелее, нежели задача созидания. В сущности, национал-большевики XXI в. это не сверх-Ленин. Это анти-Ленин: русских на полную переделку, на распыл! Большевики начала XX в. - эти настоящие национал-большевики, призывали учиться немецкой деловитости и американскому размаху, а неонационал-большевики и ультралибералы в поисках трансчеловека требуют полного распыла народа как нации, страны как таковой. Дело в том, что такая стыковка нестыкуемых идеологий не случайна. Они основаны на социологическом номинализме – на том, что общества нет, а есть индивиды и они сами являются колониями атомов. Где здесь человек и его ценности?

Любому социуму нужно своё обществоведение, а точнее – нужны социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. В сегодняшнем мире, для которого характерен кризис классического проекта модерна эпохи Просвещения, возникли несколько радикально друг от друга отличающихся

социумов. Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой «шизофренический тип общества», в котором чётко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Это индустриальное общество «второй волны», в котором власть отделена от собственности, религия - от политики. В России возникла необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале». Создание новой картины мира станет главным условием победы конкурирующих цивилизаций в битвах XXI в. за общее посткапиталистическое будущее.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно своё обществоведение, а точнее – нужны социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. Как показывал А.А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Именно поэтому его книги о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность изнутри как на «западнизм» оказались востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и неологизмы: «глобальное (западнистское) сверхобщество», «глобальный человек», «западнизм», «западоиды», «западнистские клеточки», «идеосфера западнизма», «денежный тоталитаризм». Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. И сегодня перед нами в России возникла необходимость создать реальную социальную науку, социальную философию нашего социума, как это делал Запад в эпоху

становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале», а позднее В.И. Ленин в царской России.

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Это индустриальное общество «второй волны», в котором власть отделена от собственности, религия - от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки – слепка с классического буржуазного общества – с её мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные, не капиталистические социумы? Речь идёт в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть целостность, где, как в России, по словам А.С. Пушкина, единственный европеец – это правительство. В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность таких обществ, формировали коллективную память. Так, в Советском Союзе сформировались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконсюмеристская идеология чучхе, в КНР – контркоррупционные технологии маоизма, в Венесуэле – идеи просвещённого боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновлённого социализма. Все эти научные и образовательные технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остаётся лишь восклицать, как это делал на теледебатах директор Института истории России А.Н. Сахаров: «Я верю в мистическую силу русской равнины». Но чем это отличается от ведущего тезиса программы гитлеровской НСДАП «Мы верим в силу колосющихся полей пшеницы, в труд крестьянина»?

Список литературы

1. Осипов Г.В. Социологическая теория и социальная практика // Социология. № 1, 2006. с.4-11.

2. Human nature and social theory. A letter by Erich Fromm // International Erich Fromm Society. № 4, 2000. p. 27- 35.

3. ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РФ

Некрасов С.Н., Сосновских Д.С., Джолиев И.М.

Молодежь и наука. 2017. № 5. С. 36.